

АНГЕЛИНА ПРУДНИКОВА

ПАМЯТЬ-ВОЛШЕБНИЦА

МЫТЬЁ ПОСУДЫ

Мыть в деревне посуду двоякими можно путями.
Можно воду в чугунике греть в остывающей печи
И затем, вылив в тазик и вехоть намылив обильно,
С чашек чайных начать — и закончить чугуником чёрным.

Сполоснуть кое-как — кто ж отмоеет от гари чугуник! —
И расставить на полках, и смыть жир со стенок у таза
Кое-как. Ну, а можно в тот тазик, большой или малый,
Загрузить всю посуду — тарелки, и ложки, и чашки,

И ножи, взять и мыло, взять вехоть, а лучше — две штуки,
И, к зачатку бедра очень крепко прижав бортик таза,
С ним шагать осторожно по доскам, ведущим до речки
До родной, что бежит или влево — стремясь за отливом,

Или вправо, когда море Белое дышит приливом.
Там, сгрузив таз на берег, на влажный песок, — он и будет
Тем рабочим столом, на котором мыть станем посуду, —
И посуду на “стол” быстро выгрузив, таз моем чисто,

ПРУДНИКОВА Ангелина Владимировна родилась в поморском селе Концеворье. Окончила филологический факультет Поморского государственного университета. Автор шести книг стихов и трех книг прозы. Живёт в г. Северодвинске. В “Нашем современнике” публикуется впервые.

Чтоб туда положить все до блеска отмытые чашки.
Здесь всю грязь застарелую с чашек отчистим песочком —
Влажным, мелким и белым — он будет и тёркой, и содой.
А потом, смыв песчинки с посуды намыленным вехтем,

Мы тарелки и чашки с мосточков в реке накупаем.
Пару ложек утопим — за ними мы с берега сбродим,
Ну, а вилки, ножи — в берег плотный вонзать будем долго,
Энергично и быстро, пока лезвия не заблещут,

А песчинки опять в речке вехтем намыленным смоем.
То же будет и с чашками всеми, что крыты эмалью, —
Будем долго вращать, их терзая о ласковый берег,
А особенно донышки — чтоб не осталось там сажи,

Точно так же с кастрюлями, с днищами их мы поступим.
И ухваты о влажный песок будем чистить усердно,
Пока снова рога их не станут блестящим железом.
С кочергою немного трудней обходиться чумазой,

Чугунки — те попроще: эмальное чрево отмоем,
А бока им надраим о влажный песок, плоский берег.
Пусть отскочит немного от них или гари, иль сажи, —
Мы старались, а большего с нас про чугун и не спросят.

Самовар — это царь. Блещет никелированным боком,
А к царю — и с почтеньем, и с новым, нетраченным, вехтем.
Аккуратно бока только с мылом, с водицей помоем —
Он уже всем, кто вокруг, своим боком зеркальным смеётся.

Но с ещё большим трепетом мы приступаем к иконам
("Образá" — так их бабушка наша всегда называет):
Их мы все аккуратно на речку опять же доставим
И, пока моем чашки, их ризы зальём простоквашей.

Простоквашей мы так же натрём медный рукомоиник,
Что со стенки у печки нам бабушка бережно снимет.
Пусть все медные части в молочной среде откисают,
А потом мы их с мыльцем и в речке холодной отчистим.

Вот и всё: руки в саже по локоть — уж очень старались,
Но сияют ухваты, и таз, и иконы, и чашки.
Можно даже купнуться, но лучше — посуду доставить:
Самовар — аккуратно, и всё, что с собой приносили.

Ни песчинки в посуде, нигде ни одной ни мылинки —
Это качество бабушка, мама иль тётя проверят.
Мы горды: за помывку посуды нас точно похвалят,
Ну, а мы — и честны, и упорны; сумели — и рады.

ВАРКА ПЕРВЫХ ПЛОДОВ

Варка первых плодов — значит, вновь урожая дождались.
Значит, голод не страшен и можно забыть про него.
Потому наши предки за праздник её почитали —
Варку первых плодов: брюквы, репы, гороха, бобов.

...Мы варили картошку. Ту, первую, что подрывали.
Набивали молоденькой, мелкой доверху чугуны.
“Разводите огнишко!” — родители нам доверяли.
Мы бежали за баню — всё главное деялось тут.

Чугунок водрузив на два плоских приземистых камня,
Мы сносили весь хворост с округи к нему побыстрей.
Зажигали огонь и, усевшись по кругу, глазами
И горячим желаньем нудили его закипеть.

Много ль надо картошке? Мы острую спицу втыкали,
Её выстрогав прежде, в нетвёрдый картофельный бок.
И — “Готова!” — родителям занятым звонко кричали.
Шёл с отнимками кто-то из взрослых, чтоб слить чугунок.

И, дымящийся паром, горячий чугуны уносили.
Мы бежали, довольные, в дом — а стемнело-то сколь!
А потом за столом из тарелки картошку тащили:
Каждый — в блюдечко с маслом, на донышке — крупная соль.

Ах, картошечка та — помакаешь — вообще объеденье!
Все вокруг гомонят, подбородки от масла желты.
А лет триста назад — не картошка, а брюква, наверно,
Точно так же варилась за банею до темноты.

Кто же будет её ставить — первую! — в русскую печку?
То был древний обряд, и языческих требовал справ.
На огнище пекли пробу первых плодов вековечно,
Первобытный огонь бился радостно в тёмных глазах.

* * *

Стоят: дом — покосившийся,
берёзы — старые, корявые.
Люди как вымерли — все сидят у телевизоров...
А в моей памяти, которая творит чудеса,
Одновременно существует (и вытесняет первую)
другая картинка:
Дом стоит новый и высокий, с четырьмя крыльцами,
Берёзки тонкие, тополь кустом.
По деревянным тротуарам не ходят — бегают люди,
Катаются на самодельных самокатах мальчишки.
По деревянной, из бруса, мостовой
Прогрохатывают редкие автобусы и грузовики.
Отец во дворе шьёт катер — он стоит на подпорках,
Белый и ослепительный от свежих досок.
Отцу помогает дядя Николай.
Никто катер не трогает.
Сейчас он не простоял бы и дня —
Сожгли бы, разломали, увезли.
У сарая приткнулась будка с нашей собакой Пиратом.
Мать варит ему суп с огромным куском мяса.
Мы, ребяташки, бегаем тут же во дворе,
Играем в прятки, “скачем” на доске,
выбиваем “десять палочек”,
Играем “в магазин”, в “казаков-разбойников”,
Лазаем на сарайки, втыкаем в круг ножичек,
Прыгаем с “биткой”, скалкой, мячиком...
Зимой — общая горка, прыжки в сугробы с заборов.

